

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.11.42>

Язовская Ольга Валерьевна

УЧЕНИЕ ДЗЭН И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ ЯПОНИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

В данной статье рассматривается переосмысление учения дзэн в виде феномена нового буддизма (представители школ Риндзай и Со?то?) в рамках риторики государственной идеологии Японии, выраженной в концепции японской национальной сущности кокутай. Выявлено, что Сяку Созэн (Риндзай), Нукария Кайтэн (Со?то?), Судзуки Дайсэцу Тэйтаро рассматривали буддизм в его связи с этикой самураев бусидо, одной из опорных точек концепции кокутай, а также установлено, что наследие нового буддизма в упрощенном варианте легло в основу пропагандистского устава Сэндзинкун 1941 года, где идейные положения данных мастеров дзэн были представлены в искаженном виде.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/11/42.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 219-224. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

3. Корнунт Луций Анней. Греческое богословие / пер. и предисл. М. М. Позднева. СПб.: Формика, 1999. 68 с.
4. Мула С. Средневековые цистерцианские ехемпла: между филологией и историей // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2013. № 3 (33). С. 113-132.
5. Ориген. О началах / пер., прим. и введ. Н. Петрова. Новосибирск: Лазарев В. В. и О, 1993. 383 с.
6. Пастуро М. Символическая история европейского Средневековья / пер. с фр. Е. Решетниковой. СПб.: Александрия, 2012. 448 с.
7. Поло де Болье М.-А. Визуальные образы средневековой проповеди // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2014. № 3 (38). С. 151-160.
8. Поло де Болье М.-А. Сборники ехемпла на народных языках: новая публика? Новые функции? // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2013. № 3 (33). С. 75-97.
9. Смирнова В. В. Монастырские сборники ехемпла XII-XIII вв.: введение в проблематику (Второе заседание научного медиевистического семинара при кафедре романской филологии, 12 декабря 2012 г.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2013. № 1 (31). С. 151-154.
10. Смирнова В. В. Цистерцианские ехемпла на закате Средневековья: от истории к риторике // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2013. № 3 (33). С. 98-112.
11. Топорова А. В. «Зерцало истинного покаяния» Якопо Пассаванти: границы жанра средневековой проповеди // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 3. С. 38-41.
12. Хейзинга Й. Осень Средневековья / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; коммент., указатели Д. Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 768 с.
13. Bromyard J. Summa Praedicatorum. Pars Secunda [Электронный ресурс]. Venice, 1586. URL: <https://archive.org/details/JohnBromyardSummaPraedicatorumParsSecunda1586/page/n561> (дата обращения: 27.08.2019).
14. Gesta Romanorum / translation Ch. Swan. L.: George Bell & Sons, 1905. 472 p.

SPECIFICITY OF INTERPRETING ANCIENT STORIES IN MEDIEVAL EXEMPLA

Kislin Konstantin Borisovich

Saint Petersburg University

kislin_k_rel@mail.ru

The article examines the specificity of interpreting ancient stories in the West European medieval exempla – compilers of exempla collections for preachers. The author concludes that ancient stories were not so much re-interpreted but rather used as vivid morality tales along with other stories, such as everyday anecdotes, to secure the efficiency of a sermon. Special attention is paid to the problem of the genesis of the symbolic world perception in the Middle Ages.

Key words and phrases: exempla; medieval worldview; medieval Christian sermon; reception of ancient mythology; monastic orders.

УДК 1; 294.3:312+316.75:321(520)"190/194"
<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.11.42>

Дата поступления рукописи: 15.09.2019

В данной статье рассматривается переосмысление учения дзэн в виде феномена нового буддизма (представители школ Риндзай и Сѳтѳ) в рамках риторики государственной идеологии Японии, выраженной в концепции японской национальной сущности кокутай. Выявлено, что Сяку Созн (Риндзай), Нукария Кайтэн (Сѳтѳ), Судзуки Дайсѳцу Тѳйтѳро рассматривали буддизм в его связи с этикой самураев бусидо, одной из опорных точек концепции кокутай, а также установлено, что наследие нового буддизма в упрощенном варианте легло в основу пропагандистского устава Сэндзинкун 1941 года, где идейные положения данных мастеров дзэн были представлены в искаженном виде.

Ключевые слова и фразы: дзэн-буддизм; новый буддизм; концепция кокутай; бусидо; японский национализм; XX век; Судзуки Дайсѳцу Тѳйтѳро; Сяку Созн; Нукария Кайтэн; устав Сэндзинкун.

Язовская Ольга Валерьевна, к. культурологии

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Челябинский государственный университет

yazolga@gmail.com

УЧЕНИЕ ДЗЭН И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ ЯПОНИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российскойского научного фонда (проект № 17-18-01165).

Реставрация власти императора и глубокие трансформации, которые претерпевало японское общество в конце XIX – начале XX века, сделали необходимым создание определенного идеологического конструкта, который бы позволил мобилизовать массы и привести к значительному прорыву в рамках процесса

модернизации. Ядром новой государственной идеологии стала концепция национальной сущности кокутай, базировавшаяся на древней японской мифологии. Кокутай стала основой для формирования японской национальной идентичности [2], выступала частью правового поля применительно к статусу императора [3, с. 649], а также сформировала систему государственной мифологии, состоящую из духа основания государства, подтверждающего его божественный статус, японского духа как взаимосвязи добродетельного императора и моральных качеств подданных и мифа о миссии японской нации [6, с. 44], и в целом стала обозначать дух нации [4, с. 140-141; 19, р. 54-58]. **Актуальность** исследований такого рода идеологических конструктов, а также их влияния на развитие религиозных учений и философских концепций связана с современным переосмыслением национальной идентичности и наследия межвоенного периода как в Европе, так и в странах Азиатского региона.

Мы можем отметить, что концепция кокутай демонстрировала уникальность японского народа и в этом плане стала отправной точкой для переосмысления религиозной и околорелигиозной риторики не только восстановленного в своих правах синто, но и других распространенных в Японии конфессий – конфуцианства и буддизма. Синто был преобразован в вариант государственного и стал основным проводником положений кокутай [1, с. 262] и прямым выразителем государственной идеологии и пропаганды. «Основная идея государственного синто, созданного в правительстве Мэйдзи, предлагает один наглядный пример религиозного национализма в современной Японии», – отмечает Окуяма Митиаки [14, р. 28]. Конфуцианские положения стали непосредственной составляющей концепции кокутай в виде лояльности императору и сыновней почтительности. Что касается буддизма, в связи с потерей государственного патронажа и насильственного разделения синто-буддийского синкретизма он был вынужден в эту риторику встраиваться [9, р. 21-31; 10, р. 87-135]. Наиболее явно такая черта проявилась применительно к учению дзэн-буддизма школ Риндзай и Сбō, наиболее крупных школ практики дзэн в Японии. Подобного рода влияние государственной идеологии на развитие буддизма является малоизученным, чаще отдельно рассматриваются вопросы развития буддизма в Японии и отдельно японской идеологии, и в этой связи такой ракурс анализа формирует **научную новизну** нашего исследования. И в этой связи **целью** данного исследования выступает рассмотрение основных направлений трансформации учения дзэн в рамках государственной идеологии и необходимости адаптации учения к новым социальным условиям в первую половину XX века.

Американский исследователь Роберт Шарф, анализируя историю развития дзэн-буддизма, подчеркивает феномен появления нового буддизма в конце XIX века. Этот очищенный вариант дзэн-буддизма основывался на эволюционных моделях религий и объявлялся своего рода эмпирическим, рациональным способом исследования истинной природы вещей, а также признавался в качестве источника азиатской духовности. И его обнаружили не в Китае, откуда был перенят буддизм, а именно в Японии как стране, где практика дзэн получила свое дальнейшее и окончательное развитие. Буддийское наследие объединяло азиатские страны в целом, но обозначенная преемственность возвышала Японию и делала ее единственным проводником духовного наследия всего Дальнего Востока, тем самым укрепляя ее имперские амбиции. «Дзэн преподносится как самое сердце азиатской духовности, сущность японской культуры и ключ к уникальным качествам японской расы», – указывает Р. Шарф [16, р. 6].

Еще одной чертой нового буддизма выступала его связь с путем самурая бусидо, ставшая составляющей Пути Японии, пропагандируемой в концепции кокутай как особой миссии японской нации. Согласно Роберту Шарфу, причиной выстраивания этих параллелей стало осмысление военных побед молодой японской армии рубежа XIX-XX веков. Тогда же в интеллектуальных кругах заговорили о самом пути воина бусидо, его связи с национальной сущностью кокутай, а основным инструментом этого пути были признаны практики дзэн. Особенно ярко это проявилось в популистских текстах о японском национальном характере, публиковавшихся на английском языке. Например, «Бусидо: душа самурая» Нитинобэ Инадзо (1900), «Книга чая» Окакура Какудзо (1906) и «Дочь самурая» Сугимото Эцу Инагаки (1925).

Связь бусидо и дзэн активно поддерживалась представителями школы Риндзай. В период реформации Мэйдзи ее видные члены, выходцы из храмов Энкакудзи и Кэнтёдзи в г. Камакура, наиболее значимых и старейших центров дзэн-буддизма в Японии, переориентировали учение дзэн на его распространение среди мирян, а впоследствии еще шире – среди иностранцев, закрепив дзэн как значимую составляющую японской духовной культуры. Первые шаги в этом направлении сделал настоятель Имакита Кōдзэн (1816-1892), тесно сотрудничавший с правительством Мэйдзи в качестве наблюдателя за религиозными учениями при Министерстве религий в 1870-е гг. и участвовавший в реформах, связанных с разделением синто и буддизма, он же открыл зал для мирян при храме Энкакудзи. Его ученик Сяку Сбэн (1860-1919) после обучения дзэн получил высшее образование в Университете Кэйо, что позволило ему познакомиться с западной культурой. После смерти Имакита Кодзэн став настоятелем Энкакудзи, а затем Кэнтёдзи, он продолжил привлекать мирян к учению и практикам дзэн. В 1893 году он в составе делегации представителей ведущих буддийских школ Японии принял участие во Всемирном парламенте религий в Чикаго, в дальнейшем это позволило распространить учение дзэн в США и направить туда на учебу и работу молодого последователя дзэн – Судзуки Дайсэцу Тэйтаро (1870-1966) [12].

Сяку Сбэн, побывав капелланом на русско-японской войне, на несколько месяцев вернулся в Америку, где читал лекции по буддизму, которые в 1906 году вышли в виде первой книги о дзэн-буддизме на английском языке – «Проповеди буддийского аббата» (“Sermons of a Buddhist Abbot”) [15]. В той работе Сяку Сбэн

стремился показать дзэн-буддизм как универсальную религию, находящуюся в гармонии не только с другими конфессиями, но и с научным знанием, но, несмотря на это, писал и о связи дзэн и бусидо и оправдывал военную агрессию Японии. Последние три главы книги как раз и посвящены буддийскому взгляду на войну, а также размышлениям о бое на подступах к Порт-Артуру и памяти всех погибших в русско-японской войне. И хотя он признает, что основным инструментом буддизма является любовь, но все же людям приходится сражаться на войне, и здесь необходимо отрешиться от своего «я» и следовать заданной цели: «Если им (людям. – *О. Я.*) когда-либо придется сражаться друг с другом ради своего дома и страны, – что при определенных обстоятельствах может стать неизбежным в этом специфическом мире, – пусть они забудут свои эгоистические страсти, которые являются результатом атманской концепции эгоизма. Пусть они, наоборот, будут наполнены любящей добротой Будды; пусть они поднимаются над горизонтом Я и Другого. Рука, которая поднята для удара, и глаз, который устремлен на цель, не принадлежат человеку, а являются инструментами, которые используются по принципу выше, чем преходящее существование. Поэтому, сражаясь, сражайтесь изо всех сил, сражайтесь всем своим сердцем, забудьте о себе в борьбе и будьте свободны от всех атманских мыслей» [Ibidem, p. 196].

И хотя война признается Сяку Сбэн как миссия, которая уничтожает зло и несет просвещение, все же ее цена ужасает и пугает количеством жертв: «Война действительно злая и великая. Но война против зла должна решительно преследоваться до тех пор, пока мы не достигнем конечной цели. В нынешних военных действиях, в которые Япония вступила с большой неохотой, она не преследует никаких эгоистических целей, но стремится подчинить себе зло, враждебное цивилизации, миру и просвещению. <...> Вот цена, которую мы должны заплатить за наши идеалы – цена, заплаченная потоками крови и принесенная в жертву многими тысячами живых тел. Какой бы решительной ни была наша решимость уничтожить зло, наши сердца дрожат при виде этой ужасающей сцены» [Ibidem, p. 201-202]. Но цель этой борьбы – реализация просветления, а принесенные жертвы – лишь сосуды, шелуха, которая скрывает нечто большее и сулит возрождение души.

С другой стороны, в последней главе книги, посвященной памяти погибших в сражениях русско-японской войны, Сяку Сбэн все больше уходит в мысли о тяжести цены победы, о потере друзей и близких, вопрошая о ценности человеческой жизни и признавая ужасы войны. И все же если нет иного цивилизованного пути и война неизбежна, то он полагает, что нужно принять эти жертвы, поскольку тело человека хрупко, но его дух бессмертен и именно он решает, как распоряжаться телом: «...тело необходимо для выполнения миссии духа, но тело создано таким образом, чтобы подчиняться духу и быть готовым выполнять то, что желает последний» [Ibidem, p. 209].

Как отмечает Мишель Мор, рассматривая более поздние работы и дневниковые записи Сяку Сбэн, размышления о войне и смерти получили свое продолжение в явном колебании мастера дзэн: все больший уход от романтизации войны и возвеличивания ее миссии как инструмента просвещения и спасения мира к идее сострадания и ценности жизни как таковой [12, p. 199-202].

Исследованиями связи бусидо и учения дзен также занимались и представители школы Сбтб, но делали они это в более научном ключе. Наиболее активно такие исследования велись в Университете Комадзава в окрестностях Токио. Данный университет исторически восходит к школе при монастыре храма Китидзэди, одного из центров Сбтб, образовавшегося в XV веке. В эпоху Мэйдзи и затем в эпоху Тайсё школа начала функционировать как профессиональное училище, а с 1905 года – как университет, где наравне с освоением европейских научных достижений занимались также и изучением буддизма, став одним из ведущих центров его научного осмысления. Новый университет в 1925 году возглавил ведущий исследователь буддизма того времени профессор Нукария Кайтэн (1867-1934), автор первой теоретической и исторической книги по дзэн-буддизму, изданной на английском языке, – «Религия самураев. Исследование дзэн-буддийской философии и практики в Китае и Японии» (1913) [13]. Освоив в юности практику дзадзэн, он прошел обучение в Университете Кэйо, где занимался изучением буддизма и позитивизма, а затем стажировался в Европе и США. После получения докторской степени по литературе он приступил к работе в Университете Комадзава, где расширил сферы изучения буддизма с гуманитарных дисциплин до естественно-научных.

В первых главах своей работы «Религия самураев», посвященных истории дзэн-буддизма, Нукария Кайтэн проводит параллели между образом средневекового монаха и образом самурая. Данная параллель стала возможной благодаря тому, что практика дзэн может быть реализована не только в созерцании, но и в действии. Схожесть монахов и самураев заключалась в следующих качествах, характерных для тех и для других: привычность лишений, честная бедность в связи с установкой на обретение богатства честным путем, мужественное и благородное поведение, а также смелость и спокойствие ума [5, с. 51-58]. Далее он приводит примеры различных японских полководцев, практиковавших дзэн, и отмечает, что в эпоху Эдо благодаря объединению Японии под сёгунатом Токугава дзэн стал государственной религией и распространился и среди аристократов, проникнув в различные сферы искусства, и среди простолюдинов, став частью повседневных практик, тем самым «дзэн стал пронизывать всю жизнь японцев» [Там же, с. 67].

В современной Японии Нукария Кайтэн отмечает подъем интереса и возрождения дзэн-буддизма как раз на волне милитаризации страны, в особенности в связи с победоносным шествием японского оружия конца XIX – начала XX века. «Однако с начала русско-японской войны дзэн стал возрождаться. Теперь он воспринимается как идеальная вера и для полного надежд и сил народа, и для отдельного человека, которому нужно пробиться через жизненные невзгоды. Соблюдать бусидо, или кодекс самурая, следует не только

воину на поле битвы, но и каждому жителю Японии в борьбе за существование. Если человек хочет быть человеком, а не зверем, он должен быть самураем – храбрым, щедрым, стойким, верным и мужественным, полным самоуважения и уверенности в себе и в то же время готовым на самопожертвование», – пишет Нукария Кайтэн [Там же]. В качестве современного примера идеала самурая он приводит генерала Ноги, ставшего героем в битве за Порт-Артур, потерявшего в русско-японской войне двоих сыновей и лишившего себя и свою супругу жизни после смерти императора Мэйдзи. На этой ноте он завершает историческую часть, успев отметить, что учение дзэн, имея истоки в Индии и укрепившись в Китае, продолжило развиваться именно в Японии, утратив значимость для других регионов. Оставшиеся главы книги посвящены характеристике основ учения дзэн и более не затрагивают его связь бусидо.

В дальнейшем тематику связи дзэн-буддизма и бусидо продолжил развивать выходец из школы Риндзай, ученик Сяку Сбэна, а в дальнейшем коллега Нукария Кайтэн по поляризации учения дзэн на Западе – Дайсэцу Тэйтаро Судзуки (1870-1966). В студенческие годы он прошел обучение дзэн в храме Энкакудзи, закончил Токийский университет, где выучил английский язык, что впоследствии помогло ему отправиться на стажировку в Америку. Еще в школьные годы он завел дружбу с будущим основателем Киотской школы Нисида Китаро, который оказал большое влияние на развитие взглядов Д. Т. Судзуки. С 1909 года он вернулся с семьей в Японию, где и проживал до конца Второй мировой войны.

Д. Т. Судзуки – плодовитый автор, но большая часть его трудов и писем все еще требует изучения. Такого рода работу провел японский исследователь Кирита Киёхидэ, поставив задачей охарактеризовать взгляды Д. Т. Судзуки на общество и государство, затронув темы войны и национальной политики [11].

Как отмечает Кирита Киёхидэ, в своей первой книге «Новая теория религии» (1896) Д. Т. Судзуки указывает на то, что государство выступает средством социального прогресса, это всего лишь этап человеческого развития, но стремящийся к сохранению своей устойчивости, а целью религии выступает достижение космического идеала, сохранение братства среди людей, и в этом смысле религия более значима для дальнейшей истории человечества. Но фактическое состояние государства тесно связано с позицией религии, и в данном случае, по мнению Д. Т. Судзуки, религия должна стать его опорой и руководить им: «Интересы религии и государства не противоречат друг другу, а скорее помогают и поддерживают друг друга в стремлении к целостности... Проблема легко решается, если рассматривать религию как единое целое с государством как своим телом и государство как нечто развивающееся с религией как ее духом» [Цит. по: Ibidem, p. 53-54].

Что касается японского общества конца XIX – начала XX в., то уже после своего переезда в Америку Д. Т. Судзуки в заметке для журнала «Рокуго» от 25 июня 1989 года отмечал абсурдность ультра национализма как основы государственной идеологии и призывал не придавать религиозное значение ее постулатам, в частности идеализации образа императора: «Давайте перестанем притворяться, что японцы – великие люди только потому, что их императорская семья не разрушалась в течение последних 2500 лет» [Ibidem, p. 54]. Все это воспринимается им как препятствие модернизационных процессов в дальнейшем развитии культуры и общества. Уже в других своих размышлениях он призывает буддистов как духовных наставников взять на себя активную роль в развитии общества: «Мое искреннее желание состоит в том, чтобы буддисты не оставались довольны личным миром и просветлением, а взяли на себя ответственность помогать обществу» [Ibidem, p. 56].

Вернувшись после двенадцатилетнего проживания в США, Д. Т. Судзуки встречает уже другую Японию, где все еще была сильна аристократия как привилегированное сословие, разделявшее императора и его подданных, что воспринималось как анахронизм и отставание в развитии общества. Он много преподает и все больше отходит от критики государства, сосредотачиваясь на изучении теоретических основ и историческом развитии буддизма, затрагивая в том числе вопрос связи дзэн-буддизма и бусидо. Например, в работе «Дзэн и японская культура» (1938) Д. Т. Судзуки отмечает, что в средневековой Японии дзэн оказал сильное влияние на философские воззрения и эстетические представления самурайского сословия. Он подчеркивает, что «дзэн поддерживал их (самураев. – О. Я.) двояким образом – нравственно и философски. Нравственно – потому, что дзэн есть религия, которая учит не оглядываться назад, когда путь уже пройден; философски – потому, что он одинаково относится и к жизни, и к смерти» [7, с. 68]. При этом в работе не было цели показать, что раз дзэн-буддизм почитался самурайством, то в современной Японии должен почитаться солдатами. Напротив, он стремился подчеркнуть универсальность практики дзэн и ее адаптивность, но ни в коем случае не умалялась ценность человеческой жизни.

В начале 1940-х гг. свои небуддийские исследования Д. Т. Судзуки посвящает японской культуре. Среди прочих можно выделить работу «Японская духовность» (1944) [17], где он характеризует данную ценностную составляющую через особенности развития буддизма в средневековой Японии в виде учения о Чистой Земле и практик дзэн, развивая свою идею о значимости религии в процессе общественного развития. Через год после выхода в свет этой работы Д. Т. Судзуки прочитал лекцию для студентов Университета Отани, посвященную японскому духовному пробуждению, где уже более уверенно выступил с критикой идеи японского духа как одного из основных положений концепции кокутай: «Гермин “японский дух”, используемый нашими коллегами в настоящее время, включает в себя элементы особых политических характеристик, патриотического рвения, исторического возрождения, морального самоуважения и особенностей эстетической оценки. Кроме того, этот термин также подчеркивает исключительную ограниченность и консервативные характеристики островного, антикосмополитического народа... Это потому, что наша концепция Японии стала настолько субъективной, что она психологически, логически, философски и исторически искадила наш способ мышления» [Цит. по: 11, p. 60].

Свою позицию он стремился поставить в противовес публикациям и заголовкам статей дзэнских мастеров, поддерживавших милитаристскую риторику в духе концепции национальной сущности кокутай и выступавших в поддержку идеи связи учения дзэн с концепцией самопожертвования во славу императора. По мнению Д. Т. Судзуки, представленному в многочисленных заметках в печатных изданиях, истинный смысл дзэн не имеет к милитаризму никакого отношения. Например, его высказывание 1 июля 1944 года в заметке для издания «Махаяна-дзэн»: «Некоторые люди думают, что безрассудно умереть – это дзэн. Но дзэн и смерть не одно и то же. <...> Печально думать о дзэн как об очищающем обряде. Дзэнское понимание человеческой жизни основано на буддизме Махаяны. Дзэн без этого не дзэн. Это вообще ничего... Рассматривать безрассудное и бессмысленное жертвоприношение своей жизни как дзэн – это все перепутать. Дзэн абсолютно никогда не учит кого-то бросать свою жизнь» [Ibidem, p. 61]. Кирита Киэхидэ отмечает, что все же Д. Т. Судзуки ввиду цензуры открыто не высказывался против государственной идеологии, лишь некоторые письма позволяют понять его неприятие такого положения вещей. Уже после окончания войны он продолжил развивать свое представление о японской духовности, опирающейся на независимое мышление, космополитизм и гуманизм.

Тем не менее в рамках государственной идеологии понимание дзэн как части бусидо было выгодным инструментом мобилизации. И ради поддержания воинского духа в 1941 году Департамент военного образования Японии выпустил так называемый устав Сэндзинкун, или Кодекс солдата/поля боя, ставший дополнением к императорскому рескрипту солдату и матросу 1882 года. В содержании устава наряду с конкретными призывами к дисциплине и соблюдению манер описывается моральный образ солдата, частью которого выступают сотрудничество, благочестие, убежденность в победе, простота и стойкость, честь и др. Представленные качества напоминают идеал самурая, представленный в работе Нукария Кайтэн. Один из разделов посвящен взглядам на жизнь и смерть: «Высокий дух самоотверженного служения государству должен обладать в жизни и смерти. Выполняете ли вы обязанности с сердцем и душой, независимо от жизни или смерти. Приложив все свои силы, духовно и физически, спокойно встретите смерть, радуясь надежде жить в вечном деле, ради которого вы служите» [8, p. 12-13]. Данный постулат отсылает к ранним представлениям Сяку Сбэна о войне в ее романтизированном виде и нивелирует ценность жизни тела над духом. Американский исследователь Брайан Дайдзэн Виктория в своих исследованиях уже много лет рассматривает эту связку дзэн-буддизма и бусидо в рамках японского милитаризма первой половины XX века. Он отмечает, что ряд мастеров дзэн и японских генералов, прошедших у них обучение, придерживались данного понимания жизни и смерти и пути воина применительно к японской армии. Более того, уже ближе к окончанию сражений на Тихоокеанском театре военных действий во Вторую мировую войну положения устава Сэндзинкун были распространены и среди мирного населения, обязав их стать последним рубежом в спасении Японии: «...японские лидеры дзэн военного времени сделали все возможное, чтобы превратить не только японских солдат, но и почти все гражданское население в массовую коллекцию “ходячих мертвецов”. Они сделали это, интерпретировав буддийскую доктрину о несуществовании самости в сочетании с единством жизни и смерти таким образом, чтобы создать неоспоримую готовность умереть от имени императора и государства», – отмечает Б. Д. Виктория [18, p. 144].

В ходе исследования мы рассмотрели основные направления трансформации учения дзэн в рамках государственной идеологии, их адаптацию к риторике кокутай. Наиболее явно данный процесс отразился на учении нового буддизма, развивавшегося представителями наиболее крупных дзэнских школ Риндзай и Сбтō в первой половине XX века. Нами было выявлено, что, во-первых, в концепции нового буддизма укореняется идея уникальности японской нации, выраженная в учении дзэн, во-вторых, устанавливается связь дзэн-буддизма и кодекса самураев бусидо как части уникального Пути Японии. Далее мы проанализировали позиции видных учителей того времени, развивавших положения нового буддизма: Сяку Сбэн, Нукария Кайтэн, Д. Т. Судзуки. Так, Сяку Сбэн, прошедший опыт русско-японской войны, с одной стороны, возвеличивал значение идеи необходимости сражения и борьбы как окончательной реализации пути к просветлению и оправдывал военную агрессию Японии, но, с другой стороны, подчеркивал универсальность учения дзэн и возможности его согласования как с другими конфессиями, так и с научным знанием. Нукария Кайтэн представил исторический экскурс и дал теоретическую характеристику учения дзэн, обратив внимание на схожесть ценностных ориентиров и особенностей повседневной жизни монахов и самураев (привычность лишений, честная бедность, мужественное и благородное поведение, смелость и спокойствие, ум), указав при этом на возрождение дзэн в его связке с кодексом бусидо в современной Японии как идеальной веры и моральных норм не только для воинов, но и для всех жителей страны. Д. Т. Судзуки, подтверждая сильное влияние учения дзэн на самурайское сословие в средневековой Японии, все же настаивал на невозможности его адаптации применительно к современным солдатам, поскольку, несмотря на адаптивность дзэн, ценность жизни имеет для учения высокую значимость, а японская духовность должна опираться на независимое мышление, космополитизм и гуманизм, но не на ультра национализм. На последнем этапе исследования мы рассмотрели, каким образом представленные положения нового буддизма трансформировались в уставе Сэндзинкун, идеологическом тексте времен Второй мировой войны, направленном на мобилизацию и укрепление воинского духа среди японских солдат. Нами было установлено, что представленный в уставе Сэндзинкун моральный облик воина, распространенный на все население страны, представляется искаженным прочтением развивающегося учения нового буддизма, стремящегося преодолеть внутренние противоречия и историческое наследие и прийти к подлинному гуманизму.

Список источников

1. **Комаровский Г. Е.** Государственный синто // Синто – путь японских богов: в 2-х т. / отв. ред. Е. М. Ермакова, Г. Е. Комаровский, А. Н. Мещеряков. СПб.: Гиперион, 2002. Т. 1. Очерки по истории синто. С. 261-311.
2. **Мещеряков А. Н.** Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М.: Наталис, 2009. 592 с.
3. **Молодяков В. Э.** Синто и японская мысль // Синто – путь японских богов: в 2-х т. / отв. ред. Е. М. Ермакова, Г. Е. Комаровский, А. Н. Мещеряков. СПб.: Гиперион, 2002. Т. 1. Очерки по истории синто. С. 634-688.
4. **Мураками Сигэёси.** Кокка синто (Государственный синто). Токио: Иванами-сисё, 2010. 232 с.
5. **Нукария Кайтэн.** Религия самураев. Исследование дзэн-буддийской философии и практики в Китае и Японии / пер. с яп. О. Б. Макаровой. СПб.: Наука, 2003. 245 с.
6. **Сила-Новицкая Т. Г.** Культ императора в Японии: мифы, история, доктрины, политика. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1990. 206 с.
7. **Судзуки Д. Т.** Дзэн и японская культура / пер. с яп., послеслов. С. В. Пахомова. СПб.: Наука, 2003. 522 с.
8. **Field service code (Senjinkun)** / adopted by the War Dept. on January 8, 1941 and translated into English by the Tokyo Gazette Publishing House. Tokyo: Tokyo Gazette Publishing House, 1941. 16 p.
9. **Hardacre H.** Shintō and State, 1868-1988. Princeton: Princeton University Press, 1989. 203 p.
10. **Ketelaar J. E.** Of Heretics and Martyrs in Meiji Japan: Buddhism and Its Persecution. Princeton: Princeton University Press, 1990. 285 p.
11. **Kirita Kiyohide.** D. T. Suzuki on Society and the State // Rude Awakenings. Zen, the Kyoto School, & the Question of Nationalism. Honolulu: The University of Hawaii Press, 1994. P. 52-74.
12. **Mohr M.** The Use of Traps and Snares: Shaku Sōen Revisited // Zen Masters / ed. by Steven Heine, Dale S. Wright. N. Y.: Oxford University Press, 2010. P. 183-216.
13. **Nukariya Kaiten.** The religion of the Samurai: A study of Zen philosophy and discipline in China and Japan. L.: Luzac & Co., 1913. 253 p.
14. **Okuyama Michiaki.** Religious Nationalism in the Modernization Process // Nanzan Bulletin. 2002. № 26. P. 44-59.
15. **Shaku Soyen.** Sermons of a Buddhist Abbot: Addresses on Religious Subjects Including the Sutra of Forty-two Chapters. Chicago: Open Court Publishing Company, 1906. 220 p.
16. **Sharf R. H.** The Zen of Japanese Nationalism // History of Religions. 1993. № 33 (1). P. 1-43.
17. **Suzuki Daisetsu.** Japanese Spirituality / transl. by N. Waddell. Tokyo: Yushodō, 1972. 223 p.
18. **Victoria B. D.** Zen War Stories. L.: Routledge, 2003. 272 p.
19. **Yamaguchi Satoshi.** English-Japanese Shinto from an International Perspective. Tokyo: Ebisu Kōshō Publication Co., 2012. 220 p.

ZEN DOCTRINE AND JAPAN'S STATE IDEOLOGY IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

Yazovskaya Olga Valer'evna, Ph. D. in Culturology

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg

Chelyabinsk State University

yazolga@gmail.com

The paper considers the reinterpretation of the Zen doctrine in the form of New Buddhism represented by Rinzai and Sōtō schools in the context of Japan's state ideology, which manifested itself in the conception of the Japanese national identity, kokutai. It turns out that Soyen Shaku (Rinzai), Kaiten Nukariya (Sōtō), Daisetsu Teitaro Suzuki associated Buddhism with the bushido ethical code, one of the fundamental aspects of the kokutai conception. It is shown that the New Buddhism doctrine in its simplified form constituted the basis for 1941 Senjinkun military code where Zen Masters' teachings were represented in a distorted form.

Key words and phrases: Zen Buddhism; New Buddhism; kokutai conception; bushido; Japanese nationalism; XX century; Daisetsu Teitaro Suzuki; Soyen Shaku; Kaiten Nukariya; Senjinkun military code.